

ЛИЗА НИКОЛИДАКИС

НЕ

КОГДА

ПЕРЕХОДИ

В ТВОЕМ ДОМЕ

ДОРОГУ

ЖИВЕТ

В~~О~~ЛКУ

ЧУДОВИЩЕ

INSPIRIA

МОСКВА 2024

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н63

Lisa Nikolidakis

NO ONE CROSSES THE WOLF: A MEMOIR

Copyright © Lisa Nikolidakis, 2022

This edition published by arrangement with Massie &
McQuilkin Literary Agents and Synopsis Literary Agency

Николидакис, Лиза.

Н63 Не переходи дорогу волку : когда в твоём доме живёт чудовище / Лиза Николидакис ; [перевод с английского О. П. Гурина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Ток. Не говори никому. Про жуткие семейные тайны).

ISBN 978-5-04-177775-3

В свой 27-й день рождения Лиза узнает из новостей: в доме, где со своей новой семьёй жил её отец, нашли три трупа. Все застрелены из отцовского ружья. В течение нескольких часов Лиза пытается выяснить, чьи именно тела обнаружены.

Если среди них есть отец, это значит, что она наконец в безопасности? Если отец убил свою новую жену и её детей, виновата ли Лиза в их смерти? Ведь она никому никогда не говорила, что её отец на самом деле — чудовище.

Почему её отец стал таким? Как справиться с ужасами прошлого, повлиявшими на всю твою жизнь? В поисках ответов Лиза отправляется в Грецию, чтобы найти семью своего отца — и ответы на свои вопросы. «Не переходи дорогу волку» — это бесстрашные мемуары о детской травме, чувстве вины, примирении с прошлым и обретении силы.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-177775-3

© Гурин О. П., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

От автора

Мемуары вечно запутанны и извилисты, их восприятие осложнено нашими предубеждениями и склонностью ошибаться. В этой книге я излагаю свою правду — эмоциональную правду о своем опыте. У других людей, которые появятся на страницах этой книги, может быть другая точка зрения — в конце концов опыт субъективен. Я же задавалась целью описать правду такой, какой я ее вижу.

Имена и образы некоторых людей в этой книге изменены, чтобы сохранить право на их личную жизнь.

Ты от меня не отделаешься.

PJ Harvey

Предисловие

В 2003 году раздался звонок, который разбил мою жизнь вдребезги. Мой младший брат Майк уже дважды назвал мое имя, но когда я взяла трубку, то слышала только пустое эхо собственного голоса, щелчки и бесполезные помехи. Я решила, что связь плохая. Рядом со мной звучал стук, будто ногти барабанили по поверхности стола — это моя гончая собака по имени Данте перебирала во сне своими короткими лапами и стучала при этом по спинке дивана, обитого кожзамом. Майк назвал мое имя в третий раз. Я потянулась сидя и бросила в трубку:

— Это я, мудила. Чего тебе?

— Мне кажется, папу убили, — медленно ответил он.

Казалось, его голос расколот надвое, он звучал одновременно и высоко, и низко, как будто внутри у него сидели два человека и боролись между собой за то, кому из них сейчас управлять его голосовыми связками.

Меня затрясло: мышцы скрутило, все в моем теле задрожало, заходило ходуном. Старая жестокость, спавшая глубоко внутри, вновь проснулась. Я встала, думая, что стоя смогу успокоиться, но куда там — я только покачивалась, описывая в воздухе

небольшие неровные круги, и чувствовала, как мной овладевает знакомое чувство парения.

Под моими ногами лежал ветхий бежевый коврик.

Почему я не чувствовала его плотную пыльную поверхность?

Все перед глазами повело, происходящее вокруг мигом потускнело. Исчезли звуки автомобильных гудков и сигнализации, гул кондиционера в комнате, запах недавно сваренного кофе. Даже стук лап Данте стал незаметен. Когда-то в детстве — мне было пять, может, шесть лет — я была уверена, что парю в воздухе нашего старого дома между диваном и креслом, и рухнула на пол, когда звуки шагов моего отца резко заставили меня отвлечься. Во время того парения, которое я сама себе придумала, хотя это чувство было очень ярким, мне было легко и весело. Но сейчас, в моей комнате, ощущения были другими; связи только-только начали разрушаться, хотя я еще этого не понимала.

— В смысле *убили*? — спросила я.

— Не знаю, — сказал он. — Я пришел к нему домой, и там было полно копов, они отвели меня в участок. Я был там где-то час, сидел в приемной с парой придурков из старшей школы, и они говорили мне, какая крутая у меня была группа.

Я не помню, чтобы его голос звучал так надтреснуто с тех пор, как он был долговязым малолеткой. Я хотела вернуть Майка на десять лет назад, в то безмятежное время, когда он ржал над сериями «*Бивиса и Баттхеда*» и постоянно издавал звуки металлических аккордов на своем «фендере» — то есть раньше, чем полиция пришла домой к нашему отцу, чем было сказано вслух это уродливое спотыкающееся слово «*убили*». Вернуть Майка в то время, когда он был еще

достаточно маленьким, чтобы не знать, на что способен наш отец.

— Ты за рулем? — спросила я. — Езжай сюда, пока в аварию не попал.

— Я буду минут через десять. — Он сделал паузу. — Лиз, копы сказали не включать новости.

Я положила трубку и потянулась за пультом.

Картинка на моем древнем телике «Сони» стала четкой, отобразив красные, желтые и оранжевые пятна на темно-синем фоне, как будто что-то горело на воде. Ураган «Изабель» кружился в двухстах милях от побережья Каролинских островов и волновал Атлантику, решая, направляться ли в сторону суши. Мне было все равно, разрушит ли стихия все вокруг. Я хотела, чтобы ведущие новостей сказали о чем-то по-настоящему важном, что вернуло бы меня в этот мир. Я должна была узнать, что случилось.

Ведущая в пурпурном пиджаке раздавала советы: «Запаситесь водой и батарейками. Займите самую безопасную комнату в доме. Проверьте свой набор для оказания первой помощи».

Мой набор для оказания первой помощи был полон бухла. Ночью накануне того звонка я праздновала наступление своих двадцати семи лет с лучшими друзьями «Гиннесом» и «Джемесоном» и все утро расплачивалась за это болью в висках. Полностью отойти мне удалось во второй половине дня, но затем позвонил Майк.

Я устала в экран, чувствуя пустоту, н е в е с о м о с т ь.

Сколько раз я мечтала, чтобы мой отец умер? В восьмом классе я каждый день прижималась лбом к заляпанному стеклу школьного автобуса и при-

думывала ему разные страшные кары, пока мимо проносились пейзажи. Пусть приливом его занесет прямо в зияющую пасть акулы. Пусть в его сувлаки вместо орегано окажется ядовитый болиголов. Пусть в его машину врежется метеорит, и перекресток, на котором он ждал переключения сигнала светофора, превратится в дымящийся черный кратер. Я хотела, чтобы его не стало, но виноват в этом должен был быть некий внешний источник. Если я, наоборот, думала, как сделать это самой, если мои желания становились слишком реалистичными или личными, то чувство вины становилось непереносимым.

И все же меня трясло. Дрожали руки, тончайшая кожа под глазами, мышцы *rectus femoris*, которые соединяют бедра с коленями. *Rectus*. С латыни это переводится как «соответствующий» или «прямой», как будто дрожание этих мышц было соответствующей реакцией, самым прямым направлением, по которому тело должно было двигаться, испытывая шок.

Я сделала два коротких звонка — один в «Вуд», бар, который я ненавидела, но работала там, а другой Мэтту, парню, с которым я встречалась семь лет. Я собиралась солгать своему шефу, но, когда он ответил, та же реплика, которую проговорил до этого Майк, вырвалась у меня наружу одним склеившимся словом: «*Мнекажетсяпанубили*». Я попросила шефа никому не рассказывать, а затем положила трубку. Дальше был Мэтт. Когда я дозвонилась по номеру сетевого магазина для художников, где он работал, мне пришлось ждать на линии, и я пережевывала слово «*убили*», пока чересчур восторженный записанный голос в трубке

благодарил меня за звонок. Я представляла себе, как Мэтт облокотился на стойку, окруженный холстами, и убеждает кого-то приобрести для своего полотна профессиональную раму, а его темные волосы собраны в расслабленный хвост. Он одет в черную футболку и рваные джинсы — в униформу художников по всему миру. Когда он, наконец, ответил, его голос напоминал мягкое поглаживание костяшками пальцев по моей щеке. Я завидовала ему. Он сидел там в предвкушении, посреди своего тусклого и обыденного дня.

— Малыш, мне тяжело это говорить, но мне кажется, что моего папу убили.

При этом я прошла в свою комнату.

— Что? Как? В каком смысле?

— Я не знаю. Это мне Майк сказал. Он едет сюда.

Одна часть меня хорошо понимала, что я сейчас в своей комнате, но другая часть меня парила где-то далеко отсюда.

Мэтт немного помолчал, а потом спросил:

— Хочешь, я приеду к тебе?

Это полностью вернуло меня на землю. Спина выпрямилась, голос стал ровным, как лист бумаги.

— Нет, все хорошо — сказала я, хотя очевидно, что это было не так.

Я не могла сформулировать, что мне нужно, ни в тот момент, ни долгое время после этого, но я хотела, чтобы кто-нибудь другой знал, что надо делать, чтобы он начал действовать и проверил, все ли у меня хорошо. Короче, мне нужна была помощь, но я не знала, как о ней попросить. А возможно даже, что я и не хотела о ней просить.

Я то и дело месяцами повторяла эту ложь — *«Все хорошо»*, — годами — *«Все хорошо»*, — но в тот момент —

«*Все хорошо*», — Мэтт наверняка поверил мне, потому что он не приехал ко мне.

Он не приехал ко мне.

Я ждала Майка, стояла, пошатываясь, эфирное время новостей полностью заполняли сообщения о видах облачности и об атмосферном давлении.

Когда начались пятичасовые новости, сюжет о моем отце стал главным. Смазанный снимок его желтого бунгало с высоты: разросшаяся трава, толпа соседей вокруг ленты, ограждавшей место преступления, отряд спецназа, шаривший по его участку, словно стая бесстыжих мух. Все замерло. Я будто плавала в формальдегиде, была экспонатом в виде девушки, который выглядывает из банки, и мир за пределами стекла этой банки был заторможенным и размытым. Когда я вспоминаю тот момент сейчас, то не замечаю, как грудная клетка ходит вверх-вниз при дыхании, вместо этого я замираю в ожидании.

Я нажала кнопку записи на видеомагнитофоне, чтобы у меня осталась кассета, которую я так и не посмотрела, но все еще храню и перевозжу с собой всякий раз, как переезжаю в новый дом, и присела на корточки в нескольких дюймах от экрана, как будто если окажусь очень близко, то смогу узнать больше.

Когда я протянула руку, чтобы коснуться изображения его дома — места, в котором я не бывала уже четыре года, — то через самый кончик моего пальца прошел крошечный электрический разряд. Мой телевизор вдруг показался мне до смешного маленьким. Такие большие новости нужно узнавать из большого телевизора, а не из крохотной коробочки,

обклеенной блестящими сердечками и звездочками, которую я смотрела с четвертого класса. Не из того телевизора, который купил мне отец.

Ведущие новостей заполняли эфир бесполезной информацией: *«Нам стало известно, что мужчина владеет домом в этом пригородном районе Южного Джерси и жил там»*. Я отчаянно ждала, что они назовут его имя. Я хотела, чтобы ведущий посмотрел прямо в камеру, ломая к чертям четвертую стену, и сказал: *«Все кончено, Лиза»*, — чтобы я наконец убедилась в том, что мой отец мертв. Но не менее сильно я хотела, чтобы ведущие не говорили ничего, наша фамилия звучит очень необычно в этих краях, так что все, кто посмотрел телевизор, сразу же поймут, что эта новость связана со мной. Как же обидно. Обида, с которой я не справлялась годами, кипела под моей кожей, каждый сантиметр моего тела был горяч на ощупь.

И, наконец, движение: парадная дверь в его дом зияет, словно беззубый рот. Мужчина с надписью SWAT, нашитой через всю спину, пятится по ступенькам вниз и тащит носилки, с другой стороны их держит женщина. Затем еще раз. И еще. *«Есть сведения о трех погибших»*. Трое каталок было вывезено из дома моего отца, и при виде третьей такой каталки мое чувство парения в воздухе прекратилось. Я тяжело опустилась на колени и издала звук, даже не зная, что способна его издать — резкий нечеловеческий вой. Данте тут же юркнула под диван, как она привыкла делать во время грозового грома. И она была права. В моих выкрученных мышцах начиналась буря: она пробралась по моим ногам, прогреготала в животе, заполонила легкие, достигла горла,